

Секция

«Методология социальной инженерии. Как создается симбиоз научного знания и практического действия?»

Модераторы:

Хайкин Сергей Романович (кандидат философских наук, советник руководителя Федерального агентства по делам национальностей, Москва),

Львов Степан Васильевич (кандидат социологических наук, директор по стратегическому развитию ВЦИОМ, Москва).

Эксперты:

Расходчиков Алексей Николаевич (кандидат социологических наук, сопредседатель Фонда «Московский центр урбанистики «Город», Москва). Тема доклада: «Социальная экспертиза в системе управления программами и проектами».

Кордонский Симон Гдальевич (кандидат философских наук, председатель экспертного совета Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники», заведующий кафедрой местного самоуправления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва). Тема доклада: «Классификация и ранжирование угроз».

Долгоруков Александр Михайлович (кандидат философских наук, руководитель Школы социального дизайна А. Долгорукова, ведущий научный сотрудник МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва). Тема доклада: «Нужен ли России такой архаичный и неэффективный подход к инновациям — социальная инженерия?».

Дискин Иосиф Евгеньевич (доктор экономических наук, председатель комиссии Общественной палаты РФ по вопросам развития гражданского общества, заместитель председателя научного совета ВЦИОМ, Москва). Тема доклада: «Конструирование российской модели социальной трансформации».

Львов Степан Васильевич (кандидат социологических наук, директор по стратегическому развитию ВЦИОМ, Москва). Тема доклада: «Исследовательские задачи в условиях сложности и неопределенности управленческой проблематики».

Барматова Светлана Петровна (доктор социологических наук, профессор Брянского филиала РАНХиГС, Брянск). Тема доклада: «Социальная инженерия: назад в будущее».

Модератор Львов Степан: Итак, у нас была объявлена тема, тема первая, наверное, в истории всей Грушинской конференции, посвященная целиком методологическим вопросам. Потому что исторически так сложилось, что Грушинская конференция – это больше про методы, мы практически никогда не думали о теории наших исследований, и я думаю, что у нас должна получиться сегодня такая первая попытка все-таки выбраться из таких вот оков, в которые мы сами себя добровольно заковали, и немножко отойти от такого экзотического фетишизма. Многие годы мы концентрировались и рассказывали вам о проводимых нами исследованиях, о том, как

правильно их проводить, какие результаты мы получили и рефлексировали каждый сам, самостоятельного, что же из этого следует, какие обобщающие выводы из этого сделать. И сегодня мы попробуем это сделать уже в рамках нашего обсуждения, поэтому мы пригласили сегодня спикеров, которые представляют разные совершенно отрасли, среди нас будут и практикующие исследователи и социальные инженеры, будут исследователи с большим опытом исследований, будут представителей высшей школы и каждый взгляд, он, конечно, будет интересен, каждый взгляд будет полезен для того, чтобы раскрыть суть методологии. Итак, у меня будет со-модератор, Сергей Романович Хайкин, вы все его прекрасно знаете, советник руководителя федерального агентства по делам национальностей, представитель как исследовательского цеха, так и социальный инженер, т.е. это тот, наверное, идеальный тип социального инженера, который мы себе можем представить, поэтому Сергей Романович, если есть какое-то вступительное напутствие? Наверное, можно высказаться и сразу.

Модератор Хайкин Сергей: Друзья, чтобы не затягивать, а сразу дать слово выступающим, предмет, мне кажется, содержание тех докладов, которые здесь готовили, только в качестве эпиграфа маленький такой гарик о сочетании власти и социологов.

Много лет мы вместе двое,
как единый организм,
за окошком ветер воет,
навевая оптимизм.

Вот, собственно говоря, проблема заключается в том, что мы пытаемся, с одной стороны, удерживаться в рамках нашей профессии, но с другой стороны, уже сегодня на пленарном заседании, и в других секциях было показано, что вопросы внедрения, а мы об этом говорим, когда говорим о социально-инженерных каких-то проектах, вопросы внедрения зависят не только от нас. И вообще дискуссионным является вопрос, стоит ли нам переходить ту грань, вот профессии, останавливаться ли только на профессии или все-таки мы еще граждане? И мы ответственны за то, чтобы изменения происходили? Вот это все дискуссионные вопросы, как их лучше разделить, чтобы исследования были эффективными, изменения в обществе происходили, вот об этом сегодня будем говорить. У нас кому вы первому дадите слово?

Модератор Львов Степан: Я предоставлю первым слово Алексею Расходчикову, представителю «Московский центр урбанистики «Город» - сопредседатель этого фонда, кандидат социологических наук и социальный инженер по призванию и по профессии.

Расходчиков Алексей: Здравствуйте, уважаемые коллеги. Спасибо всем, кто выдержал полную конференцию и досидел до этого момента, я буду говорить о социальной экспертизе, я специально не назвал эту тему в социальной инженерией, потому что когда готовился защищать кандидатскую, у меня была такая фантазия, потом я посмотрел в интернете все, что связано с социальной инженерией, я закрыл эти странички и понял, что в институте социологии при академии наук я не защищусь с такой темой, и поэтому, поскольку, это потому, что очень часто под социальной инженерией подразумеваются или маркируются под нее некие манипулятивные технологии, некие методы влияния, что для академического ВУЗа является достаточно сильным табу. Поэтому я назвал свою тему социальной экспертизой, она, если уж мы говорим о

методологии, то я с нее и начну, что это такое, это социальная технология, которая у нас отработана в Москве и в нескольких сейчас уже регионах, о чем идет речь. Технология опирается на несколько таких серьезных концепций, первый - это человеко-средовой подход Тамары Моисеевны Дризде, которая говорила о том, что еще происходит обменные процессы между человеком и средой, которая выделила 4 основных компонента, которые должны быть гармонизированы для города, для городской среды, поскольку она считала город искусственной средой обитания человека, и она должна быть приспособлена для него. Это первый наш постулат, второй - это касается социального участия и взаимодействия, здесь мы больше уже основываемся на наработках Александра Васильевича Тихонова, профессора, а именно он выдвинул такую идею и обосновал ее о том, что в управлении необходимо сочетать субъект-субъектные и субъект-объектные подходы. Т.е. орган власти, принимая решение, некоторое гениальное, нужное для страны, он относится к обществу, в том числе и к нам с вами, как к объекту управления, такая у него работа, он должен принять решение. Дальше, для того, чтобы не получились тех глупостей, которые происходят во всех реформах, нужно снять корону и спуститься на уровень субъект-субъектного взаимодействия, т.е. общества и члена общества, те группы, которые затрагивают изменения, должны стать субъектами коммуникаций. Либо как перед нами коллеги выступали на краудсорсинговых платформах, либо в личных общениях, либо в привычных нам фокус-групповых исследованиях. И модель, которая позволяет посадить за стол все заинтересованные стороны. Третье, на чем основываемся, это Вячеслав Вячеславович Щербина, наш, уважаемый, который говорит о том, что, если вас позвали на предприятие решить проблему, вы пришли и говорите: давайте мы проведем исследование. Идите дальше, говорит Вячеслав Вячеславович, потому что пока вы проводите свое исследование, проходит месяц, потом вы отчет пишете месяц, плюс они еще осмысливают какое-то время, за три месяца на производстве полностью изменилась ситуация, и больше этого уже не нужно, что вы исследовали 3 месяца назад. Он, конечно, утрирует, но о чем говорит Вячеслав Вячеславович, что необходимо вырабатывать социальные технологии, некие повторяющиеся инструменты, алгоритмы социологических действий, которые приводят к определенному результату. Если продолжать аналогию с заводом, когда завод инженера, если встало производство, он же не приходит и не говорит - давайте я сейчас поизучаю немножко, что у вас там с производством, вообще, в принципе, как работает ваша машина. Он должен знать или хотя бы понимать тот набор методов, которые можно применить в данном случае. Мы, у нас, слава богу, было достаточно времени и возможности отработать наши технологии в Москве, в процессах изменения, вы все, не все, кто живет в Москве, знает, как быстро все меняется, кто приехал, наверное, уже успел увидеть, что произошло, особенно в центре. Соответственно здесь несколько основных элементов, которые мы обычно включаем в свои исследования, в свою работу по социальной экспертизе, не буду перечислять, у нас не так много времени, это все можно будет, первый проект, с которого мы начали отрабатывать технологию, был проект строительства транспортных пересадочных узлов в Москве. Это началось в 2013 году, пять лет назад. Возникла проблема - власть решила, что нужны транспортные пересадочные узлы, но они объективно нужны городу, Москва растет, увеличивается количество населения, причем очень резко увеличивается, необходимы связующие узлы между метро, наземным транспортом, автобусами, рельсовым транспортом, возникла идея построить более ста

таких хабов, которые бы позволяли осуществлять быструю пересадку. Но возникла проблема, поскольку эти объекты достаточно крупные, должны были строиться на районах, мы получили очень много недовольства в тех именно районах городах, где они должны были строиться. Некоторые, первые построенные ТПУ, еще в 2011 году, до нас, они, жители даже требовали их снести, были митинги, уберите эту гадость, нам такое не нужно. В чем здесь проблема? В том, что правильное управленческое решение, казалось бы, оно хорошо, то, что хорошо для города в целом, оно вступает в противоречие с интересами локальных территориальных сообществ. Это обычная история в городском строительстве, городу нужны магистральные дороги, но никому из нас не нужна магистральная дорога под окнами. Если мы начинаем там ее проводить, получаем достаточно серьезную критику со стороны населения. Мы пытались ситуацию регулировать, были произведены исследования, более 30 районов Москвы были опрошены, что мы выяснили. Оказалось, что в каждом районе Москвы накоплено достаточно большое количество проблем, проблем, не решаемых годами. Где-то не хватает культурных каких-то учреждений, большая проблема везде практически – это спортивные учреждения и бассейны, их очень не хватает во многих районах Москвы. Мы предложили дирекции, которая занималась строительством ТПУ, рассмотреть такие варианты и включить в свои проекты те конкретные пожелания людей, которые они нам высказывали. Таким образом мы превратили транспортный пересадочный узел в объект, социально необходимый для районов, на этом примере. Здесь вот это, то, как мы работаем, вопрос работы с жителями в социальных сетях, это уже использованная методика Галины Витальевны Градосельской, кластерного анализа, мы здесь видим на этом примере группы районов Выхино-Жулебино, в данном случае двух районов Москвы, те активные группы в социальные сети ВКонтакте, как они связаны между собой, и дальше мы проводим оценку этих групп, мы называем это, оцениваем их по степени субъектности, в чем смысл понятия, в нашем понимании, при изменениях разной группы население проявляет разную заинтересованность и соответственно разную субъектность. Они либо становятся субъектами управленческого действия и вступают в диалог, либо они не становятся, этот вопрос может их не касаться, они могут оставаться равнодушными. У нас более 300 мы получили по районам, провели тематическое распределение по интересам, чем заняты в он-лайн сети пользователи, и посмотрели по нескольким индикаторам, что, какие больше подходят для взаимодействия, для обсуждения собственно проекта. Второй проект, я коротко скажу, это был центр Московский дворец молодежи, планируется реконструкция, может быть, кто-то помнит, это символьное здание для Москвы, конечно, это не МГУ, это не Воробьевы горы, но тем не менее, это дворец строился на деньги комсомола, там был КВН, там были первый мюзиклы, т.е. имеет определенное символическое поле, решили его перестроить, сейчас он в таком не очень красивом виде, с рекламой, не очень красиво, на самом деле, сегодня выглядит. Был очень интересный футуристический проект голландского архитектора, которые вызвал огромное сопротивление в районе Хамовники, в первую очередь, поскольку жителей это касается, и мы провели собственное исследование, во-первых, что было интересным, главный вопрос, он всегда, всегда война градостроителей и градозащитников, что является ценностью, что не является ценностью. На самом деле ответ находится достаточно легко, достаточно спросить жителей, мы здесь видим, что большинство жителей района однозначно высказывается в пользу того, что объект является для них символическим, архитектурным,

мы видим чуть подольше, что есть и активность, востребованность объекта со стороны жителей, т.е. он пользуется популярностью, и также получили предложение, во-первых, как реконструировать объект, не нарушив его символического значения, эти, я чуть пролистну, вернусь, т.е. что является важным: колонны, мозаика, лестница, колоннадная лепнина, которая находится, т.е. здесь мы получили, что жители в принципе согласны с реконструкцией при сохранении внешнего вида и модернизации внутреннего пространства. Под внутренним пространством, жители хотят видеть больше, мы, опять же, собрали мнения жителей, чего не хватает в районе, что они хотят у себя видеть, и предложили это собственникам здания. Надеемся, что они примут во внимание то, что мы делаем, программа реновации всем известная, мы видим сейчас цифры поддержки общероссийские, и в районах, они достаточно высокие, кстати, говоря о социальной экспертизе, я встречал в литературе, некоторые авторы умудряются обходиться вообще без мнения людей. Достаточно экспертов опросить и получается неплохая экспертиза, нормативного акта, например. Пример реновации - была очень интересная история. За 2017 год по теме реновации жилья в Москве высказалось более 300 экспертов публично в СМИ, то, что мы смогли выгрузить при помощи мониторинговых систем. Более 300 экспертов. Кого там только не было, депутаты Госдумы, политики, все высказалась. А потом, весной 18го года прошло несколько исследований. Уважаемый ВЦИОМ провел собственное исследование, провели исследования независимые центры, оказалось, что 70-80% жителей Москвы в общем-то поддерживают. После чего можно наблюдать, у меня нет, к сожалению, этого слайда, но кривая активности экспертов и СМИ, она как-то резко пошла вниз. И многие эксперты, которые так охотно высказывались, они высказываться перестали. Это говорит о чем? Это хороший пример того, что экспертное мнение может быть ангажировано, может быть зависимо от конъюнктуры, и все-таки мы не можем обойтись без социологических исследований при оценке мнения населения и при оценке каких-то проектов, то, что происходит на самом деле не все однозначно с программой реновации, при большой поддержке, людям понятно, что будут улучшены жилищные условия, благоустроена территория, большие вопросы по рабочим местам, будут ли они созданы в районе, пока неоднозначно. Экологическая обстановка сильно беспокоит, то, что жители опасаются, что районы жилье, что будут более высотные дома, будет приток населения, дополнительная нагрузка на соцучреждения, т.е. здесь есть определенные нюансы, и вот также 5 районов реновации ближайших мы видим, что везде существует перечень тех объектов, которых не хватает жителями, которые должны быть заложены проектные решения, мы сейчас как раз работаем с генпланом, чтобы они в своих проектах планировок уже начали предусматривать те, необходимые для жителей, проекты. Мы несколько лет работали, как вы видите, на тему урбанистики, на тему городского строительства, и вот буквально в прошлом году мы начали пробовать нашу методику на совершенно другой истории, это Калининградская область, пытается определиться с брендингом, было 7 попыток неудачного брендинга, все постарались, вплоть до студии Артемия Лебедева, тем не менее как бы не очень все это получилось, мы немножко по-другому пошли, мы начали с исследования мнения населения, все-таки посмотрели, какие символические поля для самих жителей, что складывается, понятно, что янтарь, Калининград - все понимают, что это столица янтаря, всемирная и российская, но не только янтарь, вы видите, что есть и исторические личности, и архитектурная, географические объекты, те, которые выходят на первый план и являются достаточно значимыми для жителей. Всего более 150

объектов мы нашли в Калининграде, опрос был проведен по шести городам региона, регион небольшой, и, в общем-то, мы ограничивались этой выборкой, соответственно получили понимание, интересный такой. Всё? Завершаю, да. Заканчиваю. Просто интересный факт, посмотрите, как сами жители отдыхают, это тоже важно, потому что, если мы говорим о туристическом развитии региона, надо смотреть, как голосуют ногами сами жители региона. Большинство из них отдыхают в Европе, в Польше, в Европе, в Польше, в Литве, в странах Европы, всего 10% иногда отдыхают в России и 3% в Белоруссии, т.е. тут явно видно, что есть проблемы с инфраструктурой в регионе для отдыха, и регион не может удовлетворить потребности даже собственного населения, дальше были обсуждения, мы этот проект продолжаем, пример того, что мы можем получить из социальных сетей при анализе конкретных мероприятий, проект еще идет, работает, мы еще не можем сказать, что полностью отработали методику, но будем стремиться это сделать. Спасибо.

Модератор: Коллеги, я предлагаю задать вопросы Алексею сейчас, потому что Алексей будет вынужден покинуть компанию, поэтому, если есть вопросы по содержанию доклада или какие-то предложения, какие-то оценки, давайте, высказитесь.

Васильева Елена: Васильева Елена Александровна, Северо-западный институт управления, Санкт-Петербург. У меня вопрос такой, несколько, наверное, методологического характера, вы в самом начале... Спасибо. Повторить? Или слышно было? Повторить? Васильева Елена Александра, СЗИУ, Северо-западный институт управления, филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург. Хотела уточнить у вас такой методологический аспект, в самом начале, вы когда говорили о методологических основах своего исследования, вы упомянули Тихонова Александра Васильевича и его субъект-субъектную концепцию. И вы употребили такое слово – спуститься на субъект-субъектный уровень. Если я правильно помню теорию Александра Васильевича, то он как раз говорит, что субъект-субъектный уровень – это следующий после субъект-объектного, т.е. в данном случае мы скорее говорим о том, чтобы подняться до субъект-субъектного подхода и рассмотреть его, не могли бы тезисно как-то раскрыть более подробно. И второй вопрос сразу по поводу экспертов. У вас тема была заявлена как экспертиза, и вы высказали, не могу сказать, что необоснованное, но претензию в отношении экспертов, что эксперты оказались несколько сервильны и поменяли свое мнение в ходе последующего обсуждения. Может быть, проблема не в том, что эксперты сервильны, а в том, что они не совсем эксперты? Потому что, все-таки, когда мы говорим об экспертности, мы подразумеваем специализацию в какой-то определенной сфере, по отношению к которой задается вопрос, по отношению к которой происходит исследование. И если человек занимает, пускай даже высокую должность или является депутатом высокого представительного собрания, это не значит, что он является экспертом в области, например, такой узко специализированной, как строительство. Даже если у него есть соответствующие документы. Может быть, вопрос в этом? В том, что у нас экспертиза не вполне экспертна? Спасибо.

Расходчиков Алексей: Я коротко отвечу на первое, вы меня ставите на грань, Александр Васильевич - мой научный руководитель, если меня заподозрят в том, что я неверно трактую его теорию, он, конечно, может меня выгнать, но, надеюсь, этого не произойдет. На самом деле мы говорим об одном и том же, его концепция именно

сочетания субъектно-объектного и субъект-субъектного подхода в управлении, как раз оно и говорит о том, что необходимо преодолеть это отношение власти к обществу как к объекту управления, и перестать вообще рассматривать его как объект управления, и перейти, но я, может, так не очень корректно сказал, я говорил в этот момент о человеке у власти, что он должен снять корону и начать общаться с людьми, да, это следующий этап после принятия решений именно направлен на то, чтобы это решение стало приемлемым. Те многие примеры, которые, у нас была сессия, коллеги показывали, когда через обсуждение с людьми удавалось привести совершенно странные законы в нормальное состояние. По второму вопросу – это большая беда, у нас не экспертных экспертов, у нас эксперт стал понятие уже почти профессия, как в том анекдоте, помните, когда человек идет, здороваётся, говорят: это брат прокурора, примерно так, т.е. профессия - брат прокурора, профессия – эксперт, люди высказываются по широчайшему спектру каких-то позиций, совершенно не задумываясь о том, являются ли они экспертами в этой области, и у многих из вас тоже бывают такие звонки, когда вас просят высказаться, своим мнением, по любому вопросу, давайте начнем с себя, коллеги, я призываю, пользуясь площадкой, не будем сами хотя бы высказываться по тем областям, в которых не являемся специалистами. Может, это даст урок, и таких псевдоэкспертов станет меньше.

Реплика из зала: Можно вопрос задать? Когда вы дворец молодежи исследовали, вы описывали функцию рынка, которым является дворец молодежи и его окружение.

Расходчиков Алексей: Что такое – функцию рынка?

Реплика из зала: Там огромный рынок, там место сбыта многих психо-активных веществ и всего остального. Похоже, вы интересовались только внешним видом и внутренним устройством дворца молодежи. По Калининградской области как объекту, значит, вы не задавались вопросом, что Ленинградская область – это место, где лучше бы не жить? Со времен Петра Великого так сложилось, что там люди живут. Вообще-то они там жить не должны. Почему, они там должны отдыхать. Приходило ли вам вообще в программу описания феномена? И замечание про экспертизу очень хорошо, вы сказали, это эксперт – это человек, который знает границы применимости своих знаний. Так? В отличие от специалиста. Эксперт – это человек, который приходит на консилиум, говорит, вместе с другими экспертами, они принимают коллегиальное решение, что как резать и что делать. Вот таких экспертов в нашей стране, похоже, не осталось. Поэтому опросы общественных экспертов – они, в общем, во многом не осмыслены. Теперь еще замечание. По отношениям с властью. Люди, которые побывали во власти, знают, что основная игра людей в иерархии – это игра угадай-ка, угадай, чего хочет начальник. Начальник сам не знает, чего он хочет, как правило, если не всегда, и вокруг этого начальника разыгрывается драма, люди пишут записки, называются экспертами и ждут, когда начальник скажет свое: вот это мне надо. Вам не кажется, что то, о чем вы описывали, это расширенная за пределы властных иерархий игра в угадайку?

Расходчиков Алексей: Я постараюсь коротко и, может быть, не на все, на счет совещания согласен, по поводу МДМ - по поводу психотропных мы не исследовали, экономика у самого МДМ - все слава богу, они хорошо зарабатывают, я категорически не соглашусь с вами по Калининграду, не соглашусь не только...

Реплика из зала: Про Ленинград или Калининград?

Расходчиков Алексей: Калининград. И в принципе не соглашусь с этой позицией, почему, потому что это та проблема, которая сегодня происходит в Москве. Там, где люди отдыхают, должны быть местные люди. У нас сегодня проблема в Москве, то, что центр по известным причинам обезлюживают, в силу дороговизны и прочих вещей, и мы очень скоро придем к тому, что приезжий турист не встретит москвича в центре Москвы, а это проблема, потому что люди едут смотреть не только архитектуру, достопримечательности, купаться и прочее, но и очень многое зависит от того, как с ними общаются, каких людей они видят. Это очень хорошо показал пример нашей Олимпиады, когда очень многие иностранцы говорили именно о том, как их здесь встречали, как это было радушно, это были те впечатления, которые они унесли с собой, и, наверное, вернуться к нам. Я очень люблю Калининград, люблю там отдыхать, и всем рекомендую, очень хорошее место. Спасибо.

Модератор: Спасибо. Получается, что у нас все-таки дискуссия иногда переходит уже говорим в монологи и так далее, вот хорошо, я думаю, что в таком ключе мы будем продолжать, и теперь я предоставляю слово Симону Гдальевичу Кордонскому, председателю экспертного совета Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники», в том числе представляет Симон Гдальевич Вышку. Давайте я включу, а вы пока начинайте.

Кордонский Симон: Тема – угрозы неожиданно стала актуальной, я писал про это, уже 10 лет прошло как, в отечественных записках, по заказу одного из силовых министерств и ведомств. С первого слайда. Что такое угроза, как возникает понятие угроза? Здесь более-менее широко возьму ситуацию, есть несколько типов экономик, один из типов – рыночная, там, где регулятором является цена денег. Федеральная резервная система продает деньги по одной цене системным банкам, а системные банки по другой цене продают розничным банкам. И регулируя цену денег, ставку банковского процента, можно раскручивать экономику или ее подсушивать. Люди, работающие на рынке, рискуют, кому-то повезло, кому-то не повезло, в результате возникает социальная структура, которая называется классовая – расслоение по уровню потребления. Есть альтернативная экономическая модель, связана, ресурсная, государство, мы его называем, когда нет ни товаров, ни денег, а регуляция, есть ресурсы, все является ресурсами как в Советском Союзе было, все распределяется и регулятором экономики является норма отката, т.е. ресурс распределяется бесплатно, нужно откатить тому, кто эти ресурсы распределяет. Норма отката регулируется регрессией, чем жестче регрессия, тем больше норма отката, как это было в сталинские времена, когда норма отката не превышала 10%. Сейчас у нас нормы откатов доходят до 70%. И эта ресурсная система, она основана не на рисках, риски в капитализме, на рынке есть. Она основана на угрозах. Т.е. если у нас есть какая-то внешняя угроза или внутренняя угроза, то ее надо нейтрализовать, для того чтобы ее нейтрализовать, нужно выделить группу людей, мы их называем сословиями, которые будут заниматься нейтрализацией угрозы, внешней угрозы – военнотружущие, и выделить некоторые объемы ресурсов. Есть промежуточные, между рыночной и ресурсной экономиками, состояние, называемое – корпоративная экономика, где цена денег, как регулятор и норма отката, сочетаются. Они работают на рынке корпорации, где они оперируют угрозами и рисками на рынке. Примеры, наверное, вам общеизвестны, но, например, пандемия гриппа, помните? Корпорации придумали угрозу, проплатила этот вклад

всемирная организация здравоохранения, возникла паника, и для нейтрализации этой угрозы, были произведены массовые закупки препарата Тамифлю, корпорация Хоффманн ля рош заработала тогда почти 40 миллиардов долларов. Другие примеры таких глобальных угроз, на которых зарабатывают бабки, это озоновые дыры, это изменения климата, это исчезновение видов животных, и прочие, и прочие, и прочие. Вот такие, но корпорации все-таки работают на рынке и имеют дело с деньгами, в отличие от государства нашего, которое рынок только вовне имеет с этого, а внутри у нас сплошные угрозы. Посмотрите, вот есть оранжевая угроза, помните такую, да? Есть угроза политической стабильности, есть угроза целостности государства, и для нейтрализации таких угроз бюджет распределяется таким образом, чтобы освоить ресурсы на нейтрализацию угроз. В ходе нейтрализации угроз и создания соответствующих групп возникает сословность социальной структуры, т.е. группа людей, которая создается государством для нейтрализации угроз. Чем является угроза? Угрозы, они всякие разные же бывают – природные, политические, экономические, военные, и вот задача классификации угроз, ранжирования, она в общем виде не только не решается, она даже не поставлена. Каждый раз локально происходит формулирование угроз, на любом уровне нашего государственного устройства, от муниципального до федерального, переформатирование бюджета и выделение ресурсов на нейтрализацию конкретных угроз. Есть административные угроз, они торгуются, какая угроза более значимая, какая угроза более значимая, внешняя военная или внутривластная? Непонятно, нельзя сказать, и отношение во властных иерархиях, они и действуют на административный рынок, на котором определяются взаимный вес угроз. Отсутствие классификации угроз, оно само по себе является угрозой, поскольку создает возможность строить произвольные конструкции, создавать на пустом месте новые угрозы. Как, например, произошло с оранжевой угрозой, когда группа товарищей проиграла выборы в Киеве, вернувшейся нужно было оправдаться за потраченные деньги, и Глеб Павловский придумал этот термин – оранжевая угроза, которая и получила свое развитие, оформление и в сословной структуре управления соответствующее было создано, да? И на молодежной политике, и во многих других отношениях. Я предлагаю... Что? Да, таблицу давайте. Априорную такую типологию угроз, вернее логику построения этих угроз для того, чтобы составлять, хотя бы упорядочить тот хаос понятийный, который сейчас есть в этой предметной области. Это примерная таблица, есть природные угрозы, технологические и экономические, ресурсные угрозы. Названия сбоку. Соответственно, есть ученые специалисты по природным явлениям, технологи и экономисты, специалисты по ресурсам. Соответственно, выделяем разные типы угроз. Угрозы страшны не сами по себе, а своими последствиями. Технологические угрозы, связанные с природными явлениями. Т.е. имеющие, влияющие на природу. Например, постройка мусорных заводов сейчас, да? Мы строим заводы, эти заводы, как говорят спекулянты, будут плохо влиять на нашу экологию. И ниже смотрим экономические угрозы, связанные с природными явлениями. А если мы не будем строить мусорные заводы, у нас вся экономика рухнет, как пишут некоторые так называемые эксперты. Такая простая логика матричная, она позволяет рассмотреть последствия, и упорядочить последствия разного рода угроз - природных, технологических и экономических, ресурсных, в данном случае угроз. Можно следующую таблицу? Или другая классификация, другие угрозы, мировоззренческие и идеологические, информационные. Это по строкам, по столбцам - соответствующие

специалисты. Специалисты по картинам мира, идеологи и специалисты по информационным ресурсам. И здесь видим другой спектр угроз – идеологические угрозы, связанные с различиями картин мира, я думаю, вам это знакомо. Про это много пишут. Информационные угрозы, связанные с различием картины мира, закон Яровой, который направлен на то, чтобы нейтрализовать эти самые угрозы. Или информационные угрозы, связанные с различиями в идеологиях, например, поток информации, который идет через интернет, и который, по мнению многих, так называемых, экспертов, нарушает сложившуюся у нас картину мира. Признание существования таких угроз означает, что будет создана группа людей, или существующие группы будут наделены особыми полномочиями и этим людям будут выданы ресурсы, необходимые для нейтрализации угроз. Или вот такие картинки могут быть. Политические угрозы, экономические, технологические, природные. И, соответственно, новый список угроз, не совпадающий с предыдущими двумя. Т.е. в зависимости от того, какую картинку мы принимаем как актуальную, и государство воспринимает актуальное, происходит реструктурирование бюджета, формирование соответствующих групп, сословий, которые должны нейтрализовать эти угрозы, и соответствующая работа по нейтрализации угроз. Теперь я хотел бы, что такое ранжирование угроз? Предположим, что нас политическая угроза сейчас самая главная, да? Мы должны, скажем, четверть всех ресурсов направлять на нейтрализацию этих угроз. Экономические обозначим меньше, скажем, на половину, т.е. проранжируем по значимости. В результате мы получим вот такую картинку. Если у нас, политические угрозы у нас, скажем, половина всех угроз – так? То на нейтрализацию экономических последствий политических угроз нам необходимо направлять 14% объема ресурсов. И по-любому мы можем подсчитать, в зависимости от того, какое ранжирование мы проведем, сколько ресурсов нам нужно направлять на нейтрализацию какой-либо угрозы, в зависимости от ранга. Т.е. эта работа ведется в значительной степени интуитивно, ранжирование угроз и просчет долей. При этом возникает ситуация, когда, скажем, принимаются политические решения, экономические последствия которых не просчитываются. Например, проблема самозанятых, знаете такую проблему? Наверное? Возникла она из сентенции одного из министров, который озаботился пенсией своих детей, и выросла в политическую проблему, когда выяснились масштабы количества самозанятых. Было принято политическое решение, оформленное в послание президента к федеральному собранию, определить социальный статус самозанятых. Это политическое решение не было воспринято экономическими и юридическими подразделениями государства, которые попытались как-то переформулировать поручение президента так, чтобы оно было им понятно. В результате возник закон о налогах на самозанятых, который определил фискальный статус самозанятых. Но не социальный. Но без определения социального статуса самозанятых фискальный статус невозможно зафиксировать. В итоге, примерно, из 15, может быть, 18 миллионов самозанятых, полностью самозанятых, я не говорю про частично самозанятых, на сегодняшний день, после полугода работы, зарегистрировалось примерно 40 тысяч. Это результат неправильного ранжирования угроз и соответствующего неверного распределения бюджета. Все, спасибо, я закончил.

(аплодисменты)

Модератор: Спасибо. Вопросы? Передайте, пожалуйста.

Власенко Наталья: Меня зовут Власенко Наталья, я являюсь студентом социологического факультета МГУ и на самом деле у меня один вопрос в ходе доклада, постоянно был в голове красной кнопкой, есть ли необходимость и возможность вписать сюда именно социальные угрозы, и как они будут тогда интегрированы, взаимодействовать с теми, о которых вы сказали, экономические, природные и так далее, спасибо.

Кордонский Симон: Есть большая таблица, 15 на 15, она естественно, в слайд не влезет, и необозрима, а расчет по ней – факториал, там уже вычислительные мощности задействованы. Возможно прописать, но для этого нужен заказ. А заказ, в силу ведомственной разделенности угроз, оформить невозможно, нужно только общегосударственное.

Власенко Наталья: Просто я бы отнесла к социальным угрозам те, которые все равно решаются на различных уровнях, вопросы той же самой демографии, интеграции, населения, рождаемости.

Кордонский Симон: А есть ли эти угрозы, у нас сначала возникает вопрос?

Реплика из зала: Вопрос критерия, что относить к угрозам? Как вы это разделяете?

Кордонский Симон: К угрозам можно относить все то, что центрировано государством, и на нейтрализацию чего выделены ресурсы.

Власенко Наталья: Это тоже интересный вопрос.

Кордонский Симон: Все остальное – например, пожар – угроза, да? Пожар десятого года? Не были угрозой, поэтому государство оказалось нефункциональным в ликвидации этой угрозы, поскольку соответствующие службы были расформированы. И многое другое. Эпидемиологические угрозы являются угрозами или нет? После птичьего гриппа было, потом была атипичная пневмония, сейчас у нас свинья - болезни всякие разные, понимаете, это все придуманные угрозы, на нейтрализацию которых были получены деньги, ресурсы, и в ходе нейтрализации решались очень специфические, скажем так, личные задачи соответствующих чиновников. Т.е. говорить – угроза есть или нет, можно только в том случае, если государство приняло эту угрозу и выдало ресурсы, а если не приняло эту угрозу, ну и что?

Реплика из зала: Можно тогда вопрос – является ли государство единственным конструктором этих угроз?

Кордонский Симон: Да, корпорации, конечно же, являются, потому что, скажем, например, с птичьим гриппом – это корпорация конкретно сформулировала угрозу. Или помните, угроза, связанная с исчезновением озонового слоя? Когда, так сказать, корпорация тогда существовала, и они настолько холодильников наделали, что в общем рынок забивали. И нужно было срочно менять спектр товаров на холодильники, была запущена теза о том, что те реагенты, которые использовались в старых холодильниках, они влияют, уничтожают озоновый слой, нам грозит страшная смерть от ультрафиолета, солнечного. И она сработала, действительно, за 5 лет заменили весь парк холодильников. Я думаю, что большая часть того, что у нас считается угрозой, это сконструированная угроза вот такого рода. Имеющая либо корпоративное, либо государственное происхождение.

Реплика из зала: Спасибо.

Реплика из зала: Как отличить угрозу, которая структурируется, да, и которая реальная, является последствием деятельности человека?

Кордонский Симон: Не знаю, как! Экспертиза нужна! А экспертов нет! Эксперты у нас лоббисты!

Реплика из зала: Скажите, в вашей табличке позиции, это что за цифры?

Кордонский Симон: Это относительно, это рамки распределения. Вот мы берем 100% у нас ресурсы, вот у нас есть угроза ранжированная, каким образом эти 100% нужно распределить в зависимости от ранга угрозы.

Реплика из зала: Распределения. Я поняла, поняла.

Кордонский Симон: Это как линейное уравнение считается. Там не такая простая математика, да, нужно составлять систему линейных уравнений и решать ее, получаем в результате мы долю ресурсов, которую нужно выделить на реализацию последствий какой-либо угрозы.

Реплика из зала: А рамки угрозы кто определяет?

Кордонский Симон: Экспертиза, конечно!

Реплика из зала: Структурируется на этом...

Кордонский Симон: Торгуется. Да, да. Торгуются. Вот говоришь – у нас сейчас главная – внешняя военная угроза. Значит, туда нужно сколько выделить бюджета, по меньшей мере половину всего бюджета, я говорю примерно. Выделяя половину, но, при этом ресурсы, выделенные на нейтрализацию военной угрозы, распределяется по всем последствиям военной угрозы. Если военная угроза, значит у нас есть компоненты, связанные с медициной, с госрезервами, их множество, этих компонентов, их можно упорядочить в такую.

Модератор: Спасибо! Переходим к следующему докладчику. В конце, если вопросы останутся, будем рассматривать. Александр Михайлович Долгоруков, руководитель школы социального дизайна Александра Долгорукова, представляет так же Московский государственный университет, и тема такая провокативная для нашей....

Долгоруков Александр: Добрый день. Я, наверное, в океан социальной инженерии внесу каплю сомнений. По докладу уже видно, что это возможно. Сначала я отнесусь к предыдущим коллегам, которые сделали любопытные доклады. По первому докладу, моя точка зрения, если выбирать между экспертами старых проектов, которые не являются экспертами и не могут являться экспертам, и общественным мнением, победу определить нельзя. Потому что с экспертами это дело тонкое, и в социальном мире, в который погружен человек, быть экспертом в этом микрорайоне строить храм или нет, это же тонкая материя. Это вопрос ценностей. И спросить нельзя. Общественное мнение ничего не стоит, это, конечно, кощунственно в рамках ВЦИОМовской конференции, но почитайте Грушина, современная социологи, современная социология, 21 век, она такая, если не хотите обмануться, не спрашивайте. Сегодня очевидно, что спросить практически ни о чем важном нельзя. Если вы спрашиваете и именно на основании мнения принимаете решения, вы не профессиональны, точка. На этом пути ничего не найдешь. Доклад про угрозы меня сильно, конечно, напугал, я вот тут поддерживаю

коллегу, что социальную угрозу надо отвести, но я бы смелее ставил вопрос, я бы туда внес угрозу от социального инжиниринга, (*аплодисменты*) это, мне кажется, главная угроза, социальная угроза. Я сейчас перейду к этому содержанию. Вот перед вами такая матрица, я сегодня ночью ее нарисовал, по памяти, это, конечно, не полная, но, думаю, 2/3 школ, которые занимаются социальным творчеством, проектируют, здесь отражены. Это примерная история человечества со Второй мировой войны до наших дней. У нас антологический вопрос, и он главный, это вопрос – хотим ли мира, человек, который пытается решать социальные вопросы, строить социальные проекты. Начиналось все очень простенько, предметная антология – это примерно вторая мировая война, когда вообще задумались о том, что Тейлор не прав, который так любил дедушка Ленин. Тейлор не прав, нельзя мир рассматривать через рабочее место, изучить длину лотка, правую и левую руку, какая слюна выделяется у человека, который взял мололок - и решить экономические проблемы. Это предметный взгляд, очень узкий. И когда произошло такое осмысление, что как-то так технически трудно решать социальные вопросы, тогда пришла армия социальных инженеров, они позже так стали называться. Инженерию, социальную инженерию, придумали американцы во время второй мировой войны, и тогда они были правы, потому что не было моделей мира, в которых можно было эффективно действовать в гуманитарной сфере, в сверхъестественных системах. Поэтому там применялись знания из естественных наук, позитивизм такой, научная антология, предметная антология, физики видят мир физически, экономисты – экономически, это все предметные антологии. А предметная антология – это как щель в танке, когда боец сидит, смотрит на этот мир, пока такой цветной, а он в щель видит узкую полосочку, начинает ее принимать за весь мир. И второе ощущение появляется у него, что он в безопасности, что броня его защитит. Это две ложные идеи. Мир не таков, которым он видится в щель танка, и броня не защищает. Это если пенять на антологию. И социальный инжиниринг он так и остался, он пытается технические знания формальной математики, формальной логики, применить социальную меру. И чтобы долго на этом плане держаться, человечество развивалось от Тейлора с нулевой точки замерзания в тот правый верхний угол в течение всех этих десятилетий, росли школы, они множились. На втором месте методы модели деятельности, о них некогда здесь сказать. И уже на третьем месте инструмент, и в том числе социоинженеры. Первых двух компонентов социальной инженерии нет, повторяю, она родилась во второй мировой войне, когда американцам было нужно быстро исправлять ошибки человечества, Европа в огне, и поэтому полмиллиона туда, полмиллиона сюда погибших – это все мелкие издержки, надо было быстро отрезать хвост собаке. И отрезали. Это выглядело довольно эффективно, потому что никто не считал издержек этих побед. И так возник ореол славы у социальной инженерии, потом, конечно, одумались и стали развиваться школы, в 60-70ые годы возникли знаменитые Тэвистокские модели. Это была интеллектуальная Мекка, туда со всего мира съезжались социологи, увидеть, как устроен мир. А Николай Михайлович Лабин, членкорр, я у него многому научился, он там бывал, за государственные деньги. И привез оттуда удивительные вещи, я тогда в МГУ на физфаке баловался Тэвистокскими моделями, читал уже книжки, инновационными моделями Тученко, и руководство совершенно не понимало, чем мы занимаемся, и постоянно пыталась нас изгнать из факультета. И Лапин за нас заступался и говорил – это тоже социология, только современная, оставьте их в покое, этих молодых людей. Тэвистокские модели, когда я был студентом, возник в Москве ММК, знаменитый

московский методологический кружок, внимание! Тогда еще кое чему учили. Но все же, уже эпоха величия МГУ проходила, уже нас навоображали, я на философском учился, нам говорили - если увидим на ММК, отчислим из МГУ, потому что перед этим, отчислим! И в России возникло в эти годы очень интересное интеллектуальное движение, которое тоже пыталось заниматься социальным творчеством. Оно, как видите, стоит на грани уже антологии социо-культурной или социо-технической, социо-техническая модель мира – это Тэвистокский институт. Социо-культурная – это некоторые философы и московский методологический кружок. В чем порочность вот этой второй антологической модели мира? И сейчас вся социология, повторяю – вся мировая социология, вся, без изъятия, помимо маленькой части российской социологии, которая изгнана из университетов. Все социологи города страдают одним пороком – они немножко выше, чем социальные инженеры, но тоже порочны. Они пытаются выстроить парные антологии. Говорят о социо-культурном мире, пытаются выбрать между человеком и культурой, между структурами и культурой, между структурами и человеком. Вся социология такая. И она обречена. На парных моделях онтологии мощной, которую можно было бы действовать эффективно, построить нельзя. Это не моя мысль. Американский русский социолог Питирим Сорокин написал об этом, там, сорок лет назад. Не послушали. И, наконец, верхняя онтология, антропо-социо-культурная антология – это как раз Питирим Сорокин, а из современных это Лапин Николай Иванович, он развивает эту модель триада. На основании триады можно построить интересные модели мира, в котором мы уже говорили. И, имея эти интересные, цветные богатые картины мира, можно выстраивать эффективные технологии изменения этого мира. Однако, я скажу короче, это, понятно, исследования итераций, мода пришла от социальной инженерии. Дальше появились идеи мягких систем, там, какие-то фамилии названы. Это конец 20 века. Это конец, вот третья часть, там, это уже более современные, сейчас актуальные школы, которые пытаются предложить технологии изменения этого мира. Это горизонтальная составляющая, в основном, нет времени говорить долго... Она в основном указывает путь усложнения и более внимательного, и более изощренного и более профессионального, глубокого отношения к ценностям человеческим. То есть, те школы, которые лежат в левом крыле, вообще ценности не принимали во внимание. И когда вы занимаетесь одно свое частное мнение, вы не добираетесь до ценностей. А ценности это все. Поехали дальше. Тут я помолчу. Можно дальше. Да. Дальше можно. Что мы предлагаем: на том слайде, на котором я долго стоял, вы возможно, заметили, что в правом верхнем углу – школа социального дизайна, социальный дизайн. Я 30 лет назад в академических журналах объявил об этом термине. Мода пришла уже на Запад. Мы, как всегда, тормозим. Мы занимаемся тем, чем занимались люди 70 лет назад – социальной инженерией. А мир начинает заниматься социальным дизайном. Есть сайты, центры, есть конторы очень интересные. MIT – знакома вам такая контора? Это американский МГУ, которое космос делают, искусственный интеллект. Они занимаются социальным дизайном. В Японии есть институт социального дизайна. Это сложная трехмерная антология и пристальное внимание к ценностям. И за этим инструменты, мета-модели и так далее. Мы этим занимаемся. Можно дальше. Вот она, антология, которую я взял у Николая Ивановича Лапина, он взял у Питирима Сорокина. Я внимательно прочитал его толстую социо-культурную динамику и поверил в его идею. Действительно, парами ничего не сведешь, это слишком упрощенный мир. Поэтому вот она антология. Давайте дальше. Это тут какие-то слова про этот треугольничек. На

основании антропо-социо-культурной модели. Антропос – человек, социо – понятно, культурной. Мне удалось построить динамическую метафору объектов, которую мы конструируем и совершенствуем. Еще одна... Один порок академической стандартной социологии. Это не только исследовать этот мир в чистом виде и писать рекомендации чиновникам, депутатам, и думать, что они эти рекомендации будут исполнять. Друзья мои, это очень наивно в 21 веке. С какой стати вы решили, что рекомендации социологов кто-то возьмется выполнять? Если Маркс говорил, что даже философы должны изменять этот мир, то социологи точно должны, засучив рукава, идти и менять этот мир, не дожидаясь пока кто-то выслушает эти рекомендации. С точки зрения современной социологии, она называется «конструктивизм» и корни ее тоже в России. Татлин и прочие. Запад эти идеи воспринял, мы даже ничего не знаем. Вот российская социология, советская, даже внимания на это не обратила. Это удивительно! Так вот, нам удалось построить динамическую метафору. Потому что когда вы пытаетесь писать рекомендации, вы пишете их так, как будто одна и та же рекомендация сгодится трехмесячному ребенку и пожилому человеку. Нет возраста. Посмотрите мысленным взором все развалы, все книжки по социологии, по менеджменту. Они написаны так, как будто социальные системы не имеют возраста. Это не профессионально. В 21 веке нельзя так мыслить. Нужны метафоры, которые объяснят нам как устроены социальная система, когда она рождается, когда у нее процесс ухаживания, потом, и так далее. На всех этих этапах очень по-разному надо действовать. Дальше. Вот определение прочитайте сами. Сами. Социальной технологии, социального дизайна. Мы действительно в 20 веке подарили человечеству новую специальность. И сейчас что нам тащиться за этим древним обычаем – социальной инженерией, которая не знает, что такое ценности, у которой очень бедная, простая картина мира. Там сделать ничего нельзя. Надо двигаться к каким-то новым берегам. Ну, на этом, пожалуй, я и закончу. И, если кому-то интересно, приходите ко мне на сайт, там много чего интересного можно прочитать. И если есть вопросы, я отвечу.

Модератор: Вопросы, пожалуйста.

Дримов Олег: Спасибо большое за такой интересный доклад. На самом деле, я - Дримов Олег, Юго-западный университет, доцент, кандидат соц.наук. Извиняюсь за свой, наверно, дремучий дилетантизм, мне все-таки интересно какие можете привести прикладные кейсы, реализованные на данной методологии? Вот очень хотелось бы услышать возможность практического, скажем так, приложения, продолжения...

Долгоруков Александр: Опасный вопрос для меня. Тут мне надо привязывать, потому что сейчас это будет выглядеть как самореклама. Первое товарная биржа в СССР возникла благодаря методологии социального дизайна и, по-моему, Котовский там был. Московская товарная биржа. Там была применена технология создания новых систем. Вот коллега подтвердит: никто тогда не знал что такое товарная биржа. Это был инновационный, 100% инновационный проект. Дизайн направлен на то, чтоб создавать вещи, которых нет, или не было, или нет в этой стране, или нет в этом поле. Для этого есть специальные технологии, техники, методология, инструменты мягкого системного анализа. Это классно. Первая товарная биржа, первая школа бизнеса создана мною и моей командой. Она называется Линк, существует 20 лет, за теперешнее состояние я не отвечаю уже, но я там был дизайнером первой школы бизнеса в СССР. Потом дело социологии первой. Я активно участвовал в создании факультета в МГУ. Потом его

клонировали. Это очень странная история с социологическим факультетом в МГУ. Когда-нибудь я все расскажу про это. Но там тоже применяли, где было возможно, где не били по рукам, там тоже применяли социальные технологии. Арзамас-16 – наверно, вам известна ситуация. Это два десятка НИИ, которые делали термоядерную бомбу, там, и так далее. Стратегический трехдневный семинар по производству высокоточного оружия. Я могу... Да, корпоративные университеты... что-то еще, не знаю, надо ли продолжать? На сайте у меня есть мое резюме, там все мои подвиги написаны за последние два десятилетия. Ну, я практик, я, конечно, исследовал раньше, увлекался, я же кандидат наук. Писал, как все социологи, я изучал мнения, писал отчеты, потом наскучило. Потому что кому они нужны? Я проектирую этот мир, делаю это с удовольствием, с большим. И школа социального дизайна, она сделала 5 выпусков магистров социального дизайна пока не закрыли Шолоховский университет. Государственный диплом. Это тоже дизайн, это же тоже проектирование новой специальности. Вот так. Надо ли продолжать, не знаю. Почитайте мое резюме. Спасибо.

Игнатова Татьяна: Здравствуйте, меня зовут Игнатова Татьяна Васильевна, Среднерусский институт управления, филиал РАНХиГС. Вопрос у меня такого характера: на пленарном заседании сегодня рассматривали дискуссии Россия – страна возможностей. С Вашей точки зрения, социального дизайнера или дизайна, Россия – страна возможностей?

Долгоруков Александр: Кто же его знает. Если вспомнить нашего земляка Пригожина Илью, который Нобелевскую премию получил за то, что показал, что неважно человеческое общество, звездные россыпи или что-то еще – все сложные системы ведут себя одинаково. Вот деление на живую и неживую бессмысленно с современной точки зрения, современной науки. А вот деление систем на основные и простые есть, осмысленно. И сложные системы, а человеческое общество – сложная система, они ведут себя также, как звездные россыпи. Одни и те же законы. Одни бывают в стационарных состояниях и не стационарных состояниях. Если ситуация стационарна, то можно предсказать будущее этой системы, потому что она подчиняется некоторым вероятностным законам, как говорит Пригожин. Вот когда маятник покачивается, можно математически вычислить какая сила нужна, чтоб в центре его остановить, когда он сам замрет. Все зависит от длины, от массы, кинетической энергии, там, плотности воздуха... Но, говорит Пригожин, бывает социальная систем описывается состояниями не стационарности, когда она приближается в зону бифуркации, находится в зоне бифуркации и там не выполняются никакие закономерности, там произойти может все, что угодно.

Модератор: Ответ превращается в лекцию. Извините, очень интересно, но на этом...

Долгоруков Александр: Да. Я, на мой взгляд, российское общество находится в точке бифуркации. Поэтому что-то предсказывать я бы не стал. Но я день и ночь работаю над тем, чтобы появилась определенность и можно было... Как говорят в дзен-буддизме: «Я терпеливо собираю хворост, складываю его в кучу в надежде, что ударит молния и удастся погреться у этого огня» Больше надежд нет.

Игнатова Татьяна: Спасибо Вам.

(аплодисменты)

Модератор Хайкин Сергей: Ну что, друзья мои, в чем точно нельзя обвинить нашу секцию – в прагматичности. Мы просто воспарили. Ну, между прочим, очень интересно. Я рад, что так у нас пошла дискуссия. Может быть, она не вполне структурирована в силу совершенно различных докладов, но мне показалось очень интересный вообще подход Симона Гдальевича. А не было сказано – он же был руководителем Экспертного управления Администрации Президента. И это колоссальная практика социальных трансформаций, которая была проведена в то время, это непосредственно касалось Симона Гдальевича. Я вам одно могу сказать, что вообще я рад, что появился доклад про угрозу. Практически, эмпирически я точно знаю, что один из самых сильных стимулов работы власти – это страх. Страх движет властью гораздо лучше, эффективнее, быстрее, чем любое другое чувство. Что касается сообщения, которое мы только прослушали, это тоже интересно. Совсем, да, другой заход, совсем другой подход. Но тут, мне кажется, нужно обратить внимание на что? Мы в общественных науках, у нас, в отличие от нормальных наук, многие понятия конвенциональны, договорны и когда авторы ставили где использовать, решили использовать термин «социальный дизайн» - это было на моих глазах, как это появилось. Программный комитет думал: «Слушайте, нам нужно поговорить о внедрении, мы делаем хорошие, серьезные, глубокие исследования и они ни черта в практику не входят. А как это культурно назвать?» И мы не сильно размышляя, не думая, что мы наткнемся на такую философскую глубину, назвали это «социальной инженерией» Можно было придумать нечто другое, мы хотели разделить нашу профессию и профессию людей, которые занимаются социальными проектами, занимаются их внедрением. Но замечания, которые были сделаны в последнем докладе Александра Михайловича, мне кажется, очень интересны. А теперь вот Степан Васильевич Львов. Я два слова просто представлю. Это один из руководителей ВЦИОМа, опытейший человек, организатор самых крупных проектов ВЦИОМ-овских. Поэтому здесь колоссальный опыт с одной стороны организации масштабных национальных проектов. С другой стороны, безусловно, знания теоретические для того, чтобы строить классные программы. И вот Степан Васильевич поставил своей задачей такую тему: «Исследовательские задачи в условиях сложности и неопределенности управленческой проблематики» Это вполне ложится в сфере того, что мы с вами сегодня слышали. У нас структурируются, сегментируются по непонятным основаниям общества. Уже нет той классовой структуры ленинской, которую мы учили в университете, а она совершенно другая. Да и задачи структурируются самым изощренным непонятным образом. Поэтому пожалуйста, Степан Васильевич, мы Вас с удовольствием слушаем.

Львов Степан.: Спасибо большое. Спасибо большое, Сергей Романович. Ну, после таких вот выступлений, после такой попытки девальвации методов наших занятий, конечно, очень сложно будет вернуть все на то русло, в котором мы работаем. Но я тоже начну с такого самобичевания. Вот нашел интересную статью известных французских социологов Мишеля Колонна и Бруно Латура, вот они высказали, что ученые, которые занимаются естественными науками, инженеры более оригинальны, решительны, прогрессивны, как социальные философы и теоретики, чем социальные философы и теоретики, чем сами исследователи общества. Конечно, мы всегда обращаемся к нашим техническим, нашим технически подкованным коллегам, завидуем их рациональности, их моделям, их попыткам и удачным попыткам в том числе, сегодняшние наши коллеги и Симон Гдальевич, и Александр Михайлович использовали такие технические инструменты. В том числе даже где-то математику, но мы, как чисто

гуманитарии, попробуем в прежнее русло наших рассуждений. Если не ошибаюсь, либо на прошлой, либо на позапрошлой Грушинской конференции один из докладов на пленарке был посвящён одной из такой сегодня всем известной теории VUCA. «Мир изменчивый, неопределенный, сложный и неоднозначный». Тогда это было в новинку, сегодня мы рассказываем студентам, это интересно, на этой теории, на этой концепции можно много чего спекулировать и так далее. Я тоже попробую поспекулировать на двух компонентах этой темы. Первое это неопределенность и сложность. Это вот как раз Сергей Романович про это сказал, что государство, чиновники, они руководствуются определенным страхом. Опять же, это ложится в контекст определения угроз и попыток выхода из него. Все клиенты наши сегодня живут в ситуации неопределенности. Когда мы с ними взаимодействуем, они ищут некий такой идеальный выход из ситуации, они находятся в поиске идеального входа в ситуацию. Это как игра на бирже. Тыходишь в игру в попытке, в надежде, что ты пойдешь в эту игру куда твоя стратегия, избранная, она будет совпадать с поведением данного рынка. Что ты сядешь на этот тренд и этот тренд вынесет тебя на вершину. Но, к сожалению, часто бывает не так. Мы, наши клиенты, живем в постоянной ситуации неопределенности, постоянно что-то оптимизируем, придумываем даже какие-то правила входа, придумываем новые индикатора, правда, Сергей Романович? Постоянно придумывают индикаторы, помогают нам использовать эти индикаторы, но это можно понять, да? Когда человек выводится в ситуацию неопределенности, он занимается поиском таких вещей. Вторая категория, которую я тоже использую, буду раскрывать дальше, это сложность. Стремление сделать анализ, подход упрощенным, это нам всем присуще, очень многим людям, но я это рассматриваю как результат усталости от шума. Все мы живем в условиях довольно-таки сильного информационного шума, устаем от него и ищем простые выходы. Но маятник откатывается в обратную сторону и человек говорит... ну, в данном случае, заказчики наших прикладных исследований говорят: «Сегодня я ничего не буду предпринимать, кроме испытанных временем, хорошо зарекомендовавших себя инструментов» Ну, вот этот подход заранее обречен на неуспех. Вероятность выигрыша в данной ситуации, она предельно мала. Итак, я предлагаю ознакомиться вот с такой системой. Я в попытке найти какое-то объяснение тому, чем занимается наш цех, наши коллеги из исследовательских организаций, наткнулся на довольно-таки интересную систему различения между легитимностью и эффективностью. Фактически то, чем занимаются исследователи, а возможно, и социальные инженеры, оно ложится в эту дихотомию. Либо мы нарушаем легитимность, решаем вопросы легитимности, преодолеваем кризис легитимности даже как в свое время книжка выходила. ВЦИОМ издал книжку «Проблема легитимности позднего капитализма» Хабермаса. Там тоже примерно такие же мысли. Легитимность и эффективность. Либо мы решаем вопрос легитимности, либо решаем вопрос повышения эффективности. В чем эта граница происходит? Нет ни одного исследования, которое не решало бы одну из этих поставленных задач. Ну, вот я даю ссылку на издание, где вот эта идея более-менее в таком четком виде изложена. Второе. Когда к нам обращаются клиенты? Они обращаются к нам в двух условиях: когда они попадают в ситуацию кризиса либо они преследуют задачи развития. Таким образом у нас получается такой квадрант. Квадрант, в котором у нас появляется четыре категории, четыре вида, четыре группы исследований, о которых, наверно, немножко стоит рассказать. Давайте раскроем все-таки, что такое эффективности, определений может быть много, но в данной парадигме

эффективность указывает на большую по сравнению с другими вариантами поведения, успешность действия. Эффективность это стремление к определенному успеху по сравнению с другими возможными последствиями. Что касается легитимности, это соответствие процедурным нормам. То есть, есть определенные нормы, есть определенные установления и субъект преследует такую цель. И оценка легитимности предполагает разложение действия на серию выборов между линиями поведения. Какую линию поведения выбрать, чтобы твоё действие было оценено как легитимное. И, продолжая свою вот эту теоретическую разработку, я хотел бы вспомнить нашего героя Никласа Лумана, к которому все мы неравнодушно относимся. Кто-то его хвалит, кто-то его не считает достаточно весомым теоретиком, но как мне кажется, у него есть такая вот интересная триада «информация – сообщение – понимание» Изучая вот эти три категории, мы вполне исчерпываем возможности изучить и предложить те решения, в которых нуждаются те, кто принимает решения. Итак, возвращаясь к тем четырем категориям, попробуем запомнить «Spin-doctoring» я назвал ситуацию, когда нет большой такой неопределенности, это самая простая ситуация, когда мы решаем простые проблемы. Есть «Флагманская компания», когда мы достигаем какой-то результат, мы ставим задачи развития, при этом параллельно решаем возможности для преодоления или достижения определенного уровня легитимности. Здесь мы сталкиваемся с довольно-таки сложными задачами, но при этом неопределенности нету. Задачи – и мы действуем в рамках вообще-то определенности. Другая задача «Проектирование», когда нет, вернее довольно-таки низкая сложность, но при этом неопределенность высока и «Производство смыслов», когда присутствует и то, и другое: и сложность, и неопределенность. Я продемонстрирую дальше на конкретных примерах. Я буду приводить примеры из исследований ВЦИОМ для того, чтобы не затягивать, я просто сделал такие вот выдержки, которые могут показаться не связанными, но вполне показывают как решали задачи. Вот например, в прямой задаче абсолютно прагматическая, да, и задача вызвана кризисной ситуацией. Кризис в том, что нет кандидата однозначного сильного, который может выиграть эти выборы и мы решаем задачи в рамках вот этой концепции коммуникации. Мы исследуем коммуникации. Коммуникацию, которая происходит внутри электората, между элитными группами. Мы изучаем те явления, которые происходят в рамках этой компании, но не более. То есть, мы не интересуемся тем каково экономическое положение жителей Приморья, мы не интересуемся тем какие планы строят, каков уровень социального оптимизма и так далее. То есть, у нас есть конкретная задача. Довольно-таки простая. Поэтому я отношу такого типа задачи к Spin-doctoring-у. Определение вы сможете найти, я не буду это зачитывать. Или Spin-doctoring чуть более сложных это пенсионный возраст. Задача ну, резонанс сильный, угроза для общественного мнения, массового сознания довольно-таки серьезная. Но при этом, задача на само деле простая: найти, измерить раздражители, найти их, сформулировать и попытаться их как-то низложить как-то нивелировать. Такие задачи тоже относятся к Spin-doctoring-у. Или, переходим к другой части вот эта вот верхняя левая, верхний левый квадратик это когда у нас есть ресурсы. Когда у нас есть ресурсы и эти ресурсы надо увеличивать, развивать ситуацию. Ну, как пример. Пример Флагманской компании – президентская кампания 18 года. Есть группа устойчивого выбора, которая определяет, в принципе, результат этой компании. Как увеличивать, да? Ну, в общем, исследование было посвящено тому как увеличить вот эту группу устойчивого выбора. Было тоже и результат, вы сами знаете какой был результат.

Многое основывалось, ну, исследования, диагностика осуществлялась тоже в рамках вот этой вот конфигурации «информация – сообщение – понимание». Как люди понимают те или иные сообщения. Теперь переходим к примерам Проектирования. Мне кажется, там был еще один пример интересный... Примером Проектирования, когда у нас высокая степень неопределенности и когда мы находимся в ситуации кризиса. Система «Платон». Кризис был вызван определенными намерениями довольно-таки не самых значительных групп, при этом потенциально, которые могли вызвать резонанс. Кризис очевиден, нужно эффективно решать эту проблему. Нужно искать коммуникации, аргументы в пользу системы, аргументы против системы, анализировать и из этого выводить определенные решения, варианты решения и так далее. В общем, Проектирование, да, в таком ключе у нас проходило. И вот другой пример Проектирования. Сегодня даже на пленарке, где один из наших закотерщиков, вспомнил, да, вот этот кейс «Молодежные группы в политике». Нужно было спроектировать, то есть, во здесь как раз результаты факторного анализа показано как сегментируются молодежная группа именно на основании и получается, что именно на основании коммуникации. Мы уже отошли от того, чтобы сегментировать объект исследования на основе социально-демографических показателей, каких-то других показателей. Мы ищем другие основания для дифференциации. И, кстати, на последнем гайдаровском форуме мы посвятили тоже новым основаниям дифференциации целую секцию и довольно-таки успешно подискутировали на эту тему, что прежние основания классификации, они перестают нам уже помогать. Мы от них постепенно уходим в поиск новых возможностей. Теперь самый сложный случай, когда нужно производить исследование, когда у нас полная неопределенность, полная сложность, мы живем в условиях, когда нужно повышать эффективность и когда у нас стоят перед нами задачи развить. Казалось бы, есть ресурсы, есть возможности – бери и пользуйся. Но с точки зрения исследовательской это самая сложная задача. Когда у тебя нет кризиса. Кризис определяет твои критерии. А здесь критерии ты вынужден придумывать. И они плавающие, и в такой ситуации, конечно же, нужно искать, формулировать, тестировать, вбрасывать в исследовательское поле какие-то новые артефакты и пытаться их протестировать. Здесь как раз речь шла о стандартах качества. Ну, там были и другие, типа гарантии и другие артефакты, которые нужно было сформулировать, протестировать и так далее. Здесь речь шла о стандартах качества. И еще один пример производства смыслов это ценностно-эмоциональное управление, то есть, ценностно-эмоциональное управление это один из важных, одно из важных исследований, на которых впоследствии Грызлов основывал концепт избирательной кампании Президента в 18 году. Понять как и представить как решается вопрос с ценностями. Кто у нас ориентирован на эмоциональный выбор, кто ориентирован на ценностно-мотивационный, кто на ценностно-регуляторные какие-то вещи. Вот такого рода смысла выстраивается также систематизируются. Здесь опять возвращаемся к вопросам коммуникации, тоже не буду зачитывать. В общем, в последнее время, конечно, становится больше запросов, больше исследований как раз посвященных изучению коммуникационных моментов. Не имеющих отношение к статусу, не имеющих отношения к социально-экономическому положению, даже к каким-то оценочным вещам. Мы исследуем то, о чем говорят люди и каковы их намерения, связанные с развитием или преодолением кризиса. Так главное условие попадание в контекст это адекватный выбор дифференцирующих признаков. И они сегодня находятся только на основе коммуникаций. Ну, опять же, возвращаюсь к

тому, что было сказано на пленарном заседании, то есть, мы говорим о том, что у нас много разных обществ, они пересекаются, впадают, перетекают и так далее. И единственная возможность это развивать методы изучения коммуникаций. Ну, я на этом завершу. Вопрос? Короткий только, потому что Светлане Петровне тоже нужно оставить время.

Модератор: Итак, друзья, кому дать микрофон? Сейчас передам.

Игнатова Татьяна: Спасибо Степан Васильевич. У меня опять методологический вопрос, я сегодня по методологии. А можно опять там где матрица Ваша и уточняющий вопрос такой: это просто так для визуального представления сделано или это концептуально утверждено, что развитие и кризис противопоставлены друг другу? Потому что в настоящее время как-то все-таки все больше управление у нас получает не просто признание, а практически какое-то априорное мнение то, что кризис и развитие, что развитие невозможно без кризиса. И, соответственно, в данном случае, кризис должен быть где-то в середине, а не в конце этой матрицы. То есть, может быть это как-то...

Львов Степан: Была такая версия, где кризис находится в нулевой точке и тогда у нас бы появились такие исследования, очень редкие, когда нужно заниматься делегитимацией, дерационализацией, то есть. Но, такие вот, то, что находится за гранью, скажем так, добра и зла. Я все-таки, решил ограничиться таким, да... Ну. кризис и развитие надо представлять, мне кажется, в данном случае упрощенно. То есть, всю эту диалектику мы здесь не будем включать, потому что кризис и развитие можно тоже рассматривать в контексте дефицита или избытка ресурсов, например. Я именно в этом смысле, наверно, рассматривал бы вот эту линию, это различие.

Игнатова Татьяна: Просто тут еще напрашивается еще один аспект, но это просто в плане дальнейшей работы. Еще вопрос институализаций, потому что легитимность подразумевает институциональность, а эффективность тогда по Вашей матрице получается, что институализированная, она априори не эффективна. И вот тоже такой как бы вопрос... Ну, вот чисто с точки зрения представления.

Львов Степан: Нет, наверно, не так. Наверно, не так, все-таки, это противопоставление, оно имеет отношение все-таки больше, когда уже действуют, существуют институты, которые можно рассматривать с точки зрения развития ковалентной составляющей. Я бы с удовольствием отвечал на этот вопрос, но я беспокоюсь, что мы оставляем мало времени Светлане Петровне, очень интересный доклад. Поэтому просто я после доклада Светланы Петровны я готов ответить на вопросы, с удовольствием. Спасибо.

Модератор: Светлана Петровна Барматова, доктор социологических наук, профессор Брянского филиала РАНХиГС. Она у нас сегодня выступает с темой «Социальная инженерия: назад в будущее». Я буду листать, вы не отвлекайтесь, я...

Барматова Светлана: Ну, наверно, уже добрый вечер уже, уважаемые коллеги. Слышно?

Модератор: Нет.

Барматова Светлана: Ну, наверно, очень сложно, конечно, выступать после Александра Михайловича именно потому, что наличие такой новой, во всяком случае, для классической социологии позиции, хотя, не новой уже по времени и по объему

достигнутого, ставит вопрос о том, что вообще наука ушла далеко вперед и те разработки, которые все-таки, сегодня еще пока используются, они уже требуют пересмотра и совершенно нового понимания тех возможностей, тех инструментов, с которыми мы работаем. Но, тем не менее, я все-таки рискну вступить в небольшую такую полемику с выступающим ранее. И вступить в эту полемику именно потому. Что действительно, есть очень многие уровни реализации и науки, и очень многие аспекты, которые все-таки указывают на важность того разговора, который был инициирован в рамках нашей конвергенции, проходящей в эти два дня. И не случайно ее название в себе сочетает два направления социальной мысли, социального анализа. Это социология, да, изменяет мир и вот это социальное изменение, которое здесь представлено. Почему говорю о такой, все-таки, важности и о, на мой взгляд, все-таки, наличие вопроса, наличие необходимости говорить о социальной инженерии. Опять же, забегая немножко вперед, вам хочу сказать о том, что, наверное, есть смысл и, ну как бы, изменить в самом понимании... или изменять в самом понимании социальной инженерии. Почему это актуально? В первую очередь, сейчас мы перешли на некий такой проектный метод управления, который мы видим и в указе Президента, где говорится о национальных проектах, и в некоем таком аспекте проектирования изменений. Которое требуется на любом уровне. И некоторая конкретика этих требований, которая заключается в чем, например. Ну, вот не знаю насколько мои коллеги из других регионов, из других филиалов нашей академии, но мы в этом году занимались очень интересной деятельностью, мы писали статьи социально-экономического развития для муниципальных районов. И, естественно, были привлечены к этой работе именно потому, что мы сочетаем несколько важных знаний. Я уже боюсь слово «эксперт», потому что тут же начнется критика. Ну, важных знаний, да, понимания все-таки, каких-то законов социальных и понимания закона управления. Но когда мы начали писать эти стратегии, то убедились, что действительно никакого проектирования в этих документах в принципе не заложено. И это печально, это очень большая проблема, которая порождает потом эффект или не эффект управления. Поскольку в лучшем случае механизм или вот это инструмент, который используется при написании этих стратегий – это условное такое добавление, допустим, каких-то процентов в будущем. А вот напишем там, до 30 года эти стратегии и понимаем, что просто к сегодняшнему показателю добавляется, условно, 3%, 4% или 5% в той тенденции, которая была уже увидена или отслежена и зафиксирована на протяжении какого-то периода времени. Реально никакого вот этого прогнозирования не происходит. Потому что не учитывается, по сути дела, ни один фактор, который может сработать или не может сработать. Более того, сейчас столкнулись еще с одной огромнейшей проблемой. Но, я думаю, это во всех регионах работа пошла, это связано опять же, с вопросом проектирования. И я не говорю прогнозирования. Именно проектирование. Это то, что всех регионах сейчас формируются проектные офисы, которые будут отслеживать исполнение приоритетных проектов на уровне региона и, конечно, муниципальной единицы. Что мы получаем? Мы получаем мало того, что еще одну дополнительную систему регулятивную, которая будет заниматься фиксированием, совершенно заданных параметров. Потому что реально начиная с низового уровня, никто вот эти вот ресурсы не оценил. То есть, экспертизы не было и экспертизу, которую должны были, в принципе, провести, ее некому было даже проводить фактически, потому что у нас утерян вот этот уровень аналитики. Ну, он формально есть, да, он формально

есть во всех департаментах вот эти аналитические центры, но мы же понимаем о чем идет речь. Вот поэтому, на мой взгляд возвращение к социальной инженерии важно, может быть, конечно, на совершенно новом уровне, может быть, в первую очередь вот то, о чем сегодня немножко скажу все-таки это вот та методология, начинать нужно с нее. У нас ее просто физически нет. Смотрите, сегодня мы уже целый день говорим. В принципе, о проблемах социальной инженерии. Хоть одна разработка, я имею ввиду, теоретическая, фундаментальная, представлена? Кто может назвать хоть один учебник по социальной инженерии, который вышел за, там... Был один. Один только за последние несколько лет. То есть, реально мы сталкиваемся с проблемой, что мы похоронили инструмент, не попытавшись его использовать на полную, в полном объеме. Конечно, крупные центры в Москве идут дальше, но в периферии и вообще в системе и управления в том числе, этот элемент был просто физически упущен. И возникает ситуация, что вот наш филиал, я думаю, что это, конечно, может быть, не совсем патристично будет, но тем не менее. У нас из 105, по моему, дисциплин, которые читают ГМУ-шникам, государственное муниципальное управление, даже по проектированию социальному в принципе ничего нет. То есть, их не учат этому. А единственная дисциплина, которая хоть как-то может отнесена быть к этому направлению, это разработка проекта – ее читает культуролог. Чему он может научить управленца, который должен потом все-таки, понимать законы развития системы, а не просто законы управления этой системой. И вот в этом отношении, все-таки, я думаю, что возвращение к идеям социальной инженерии, как одного из тоже аспектов все-таки, вот этого анализа. она необходима. И когда вот, к сожалению большому, по уже расписанию нашей конференции, дискуссия между Задориным и Федоровым по поводу того кто есть социальный инженер, есть ли он социолог или нет – будет только завтра. Это очень, как бы, не совсем консультивно интересна, потому что мы уже сегодня говорим о том что же такое социальная инженерия. Так вот, у, по-моему, Валерия Федорова есть такая сентенция, что социальный инженер не познает, а только изменяет, только применяет уже какое-то полученное, кем-то другим знание о работе с социальным объектом. На самом деле, я считаю, что это несколько, мягко скажем, дискуссионный момент, потому что не изучив, не познав, не проанализировав ситуацию, нельзя ничего менять. Нельзя ничего изменить. Поэтому вот я попыталась все-таки, в первую очередь в своем докладе отразить те вопросы, которые непосредственно были обозначены в названии секции, и немножечко все-таки вернувшись к некоей какой-то классике, посмотреть а что же такое социальная инженерия в том виде, классическом, в классическом подходе, который на сегодняшний день все-таки, сформировано в науке и представлено в разработках. В первую очередь несколько, я очень быстро все эти классические вещи расскажу. Действительно, был вопрос о том насколько, допустим, социальная инженерия учитывает какие-то эмоционально-оценочные вещи. Вот она не учитывает, допустим, представления людей какие-то, ожидания. На самом деле, говоря даже о просто социальных изменениях, мы говорим о том, что это изменение и мышления. Это изменение образцов поведения. И поэтому, конечно же, на мой взгляд, первое о чем надо подумать, о чем надо говорить – это предметное поле самой социальной инженерии, Это то, что нужно представить, чем же занимается эта область научного знания и тем более, область практики в первую очередь. И вот здесь сразу я столкнулась с тем, что не единого подхода. При то, что достаточно много ученых все-таки, пытались ответить на этот вопрос, пытались определить, чем же вот, что отдать вот этому

специалисту, практику, аналитику? И, действительно, речь идет о том, что есть две точки зрения, есть два таких подхода. Как минимум два. Это усовершенствование социальных реальностей и усовершенствование разного уровня социальных реальностей. Начиная от макро-реальности и заканчивая какие-то единичными отдельными случаями, которые, в принципе, вписываются в понятие ТРИЗа и решают... Просто встретила такой пример: в достаточно классическом труде по социальной инженерии перед специалистами был поставлен вопрос, когда на одной из фабрик, где поставили два лифта, очень снизилась какая-то форма признания своей важности, своей идентификации с этой фабрикой. И оказалось, что достаточно было повесить между лифтами зеркало. Женщины, которые работали на этой фабрике, смотрели в зеркало, и это было решением вопроса. Они подняли престиж работы на этой фабрике и так далее. И вот это называется социальной инженерией. На самом деле, конечно, когда мы говорим о реальности, тут есть, вот еще раз повторюсь, два таких уровня. Некоторые ученые говорят о том, что все искусственные реальности являются объектом социально-инженерной деятельности. А вот встретила очень интересное такое определение, что в данном случае объектом социальной деятельности, социально-инженерной деятельности являются больные реальности. То есть, те реальности, которые требуют непосредственного изменения, не ожидая при этом, условно говоря, какого-то эволюционного перехода. На самом деле, я думаю, что с этим согласиться достаточно сложно, потому что действительно, понятие «больная реальность», реальность, которая требует вмешательства, которая требует действительно очень активного внешнего воздействия – очень сложно определить момент, скажем, такой социальной болезни. Вот сегодня был вопрос – является ли что-то угрозой или нет? На самом деле, мир существует действительно в ситуации очень относительной информированности и понимания того насколько, допустим, в данный момент это является болезнью или это является каким-то отдельным случаем. Поэтому я, все-таки, думаю, что в большей степени нужно говорить о том, что социальная инженерия работает с любыми реальностями и работает как раз в плане... Следующий, пожалуйста. Работает в плане решения следующих задач. Из достаточно много и вот они, может быть, в данном случае обобщенные. Можно говорить о том, что, конечно же, вопросом может стать – а какая разница между социальным инженером, социальным дизайнером, тем же социологом и так далее, и так далее. В данном случае, действительно, задачей или целью становится создание нового социального алгоритма. То есть, новой системы воздействия на объект, которая будет давать возможность и адаптации к этому объекту. Вот в нашей секции была достаточно интересная секция, на которой, вот маленький нюанс, но очень показательный в рамках того, что может быть объектом работы социального инженера. Вот на Украине сейчас наблюдается, на мой взгляд, такой феномен, когда произошло не просто привыкание к угрозам, даже мнимым частично, а произошел скачок удовлетворенности своей ситуацией, своим уровнем жизни, своей, не качеством, а именно состоянием. Вот парадоксально, да, в ситуации, когда постоянно нагнетается внешняя вроде бы, опасность и более того, очень ярко проявляются факторы нестабильности внутренней, когда растет постоянно плата за ЖКХ и так далее. Люди не просто демонстрируют ситуацию удовлетворенности жизни, а повышается этот уровень, достиг он максимального за весь период независимости Украины. Ну, парадокс! А с другой стороны, совершенно не парадокс, потому что в данном случае действительно, возвращаясь к социальной инженерии, от здесь как раз нужно смотреть как в этой ситуации работать должен социальный инженер. Что он может

модернизировать или что он может усовершенствовать в системе, чтобы хотя бы, допустим, вот этот момент использовать для закрепления или улучшения состояния самой системы. Если эта адаптация уже произошла, значит, какие-то аспекты, которые раньше можно говорить, что там эти эффекты были и раньше. Это действительно в какой-то мере социальная такая апатия, которая перерастает в другое свое состояние. Но тем не менее. На мой взгляд, это те вопросы, которые можно решать и более ну, что ли, дизайнерскими методами. Но повседневная проблемность их требует все-таки прикладного такого уровня инструментария, который позволяет быстро на это реагировать. Вот социальная инженерия, на мой взгляд, может использовать для быстрого реагирования действительно. Но, с другой стороны, опять таки, завтрашняя уже дискуссия, ангажированность. Будет ли социальный инженер свободен в классическом понимании, да, отстраненности от чьей-то позиции и выполнения чьего-то заказа. Или он все-таки будет четко привязан к заказчику и будет выполнять только то, что в рамках этого заказа он получил. Ну, вот опять же, то, что можно увидеть и то, что вот должно, наверно, проявиться в отношении к этому, к этой форме работы с социальными проблемами, с социальным знанием. Это то, что в данном случае социальный инженер должен, все-таки, быть более, что ли, макро-уровневым исследователем, чем просто тот, который отвечает на злободневные вопросы дня. Поэтому, в данном случае, социальная инженерия в классическом варианте... Следующий, пожалуйста, слайд. На мой взгляд, может рассматриваться и должна рассматриваться в несколько более широком масштабе понимания, чем вот такой прикладной уровень. Была такая разработка, опять же, Александр Михайлович, конечно, может ее разгромить в пух и прах, но, тем не менее, думаю, что рациональность ее все-таки, существует. Шесть уровней реализации. Потому что, даже на уровне повседневности мы постоянно занимаемся моделированием ситуации, постоянно занимаемся неким таким конструированием ответа на эту ситуацию. Поэтому, действительно, к сожалению, очень часто даже в интернете мы встречаем определение социальной инженерии сугубо через вот такой зональный или блоковый уровень, когда это способы манипулирования. Это системы идеологической диверсии, верификации и так далее, и так далее. На самом деле, конечно же, это тоже тот аспект, который может работать. Потому что, действительно, может через инструментарий, который используется, можно и на этом уровне использовать социальную инженерию. Но тем не менее, на мой взгляд... Заканчиваю уже выступление. Я считаю, что все-таки, на сегодняшний день пока мы не имеем большую армию социальных дизайнеров, которые могли бы действительно на новый уровень вывести сопровождение управленческой деятельности на муниципальном, региональном, даже федеральном уровне, наверно, стоит обратить внимание на такие рекомендации, которые позволят все-таки, социальную инженерию в какой-то мере сделать рациональной. Это образовательный стандарт. Ввести хотя бы курс по социальной инженерии, может быть адаптированный под сегодняшние вопросы, под сегодняшние реалии. Хотя бы на проектных офисах, хотя бы на региональном уровне все-таки ввести единицу специалиста, который бы понимал бы в этих опросах, потому что когда мы говорим о проектах, тем более региональных – там вообще проблемы. Там очень большие проблемы, они действительно очень локальны и решают задачи, но совершенно при этом наработки науки практически не используются. Ну, и, может быть, действительно, это будет уже не социо-инженерный мониторинг, но это будет нечто, объединяющее возможность классической социологии и все-таки, вот этих новых форм,

которые есть. Спасибо за внимание. С учетом ограниченности времени, я думаю, что опросы поставлены и дискуссия может быть продолжена.

Модератор: Спасибо, Светлана Петровна. Коллеги, кто хочет поговорить?

Бумагин Роман: Можно слайд, где уровни были показаны вот эти? Спасибо. Роман Бумагин, Фонд Общественное мнение. Кандидат социологических наук, социолог языка. Коллеги, обратите внимание вот на эту... эти уровни. Тут я, у меня вопрос полемический. Тезис в формате спора. Это ведь не уровни реализации социальной инженерии. Это уровни просто распространенности, уровни количества людей, на которых это наше воздействие распространяется. А уровень ситуативный - это уровень социального института. Мы протаптываем новые тропинки для.. Протаптываем... В том числе нельзя. Есть мясо. Из мяса и костей авторы, субъекты, люди, которые движутся по тропинкам. А есть смыслы, социальные регуляторы, которые заставляют этих людей двигаться так или иначе. Вот социальный инженер работает на этико-социальном уровне. Это тот, кто прокладывает новые тропинки, кто меняет институты. Уровень всегда один, а то, что Вы здесь написали, это всего лишь количество людей, на которое это распространяется. Там. на детскую песочницу, на предприятие, на нацию или на весь...

Барматова Светлана: Я поняла вопрос.

Бумагин Роман: Стив Джобс, который придумал приложение на все человечество.

Долгоруков Александр: Это Ваш идеал инженера. Это реальная инженерия.

Барматова Светлана: Спасибо, Александр Михайлович. Думаю да, это более быстрый ответ будет. Спасибо.

Модератор: Еще какие-то вопросы?

Стаценко Сергей: Можно?

Модератор: Да, конечно.

Стаценко Сергей: Стаценко Сергей Владимирович, Исследовательский Центр социальных исследований. Смотрите, в истории науки, притом давно, эта проблема разрешена. Во-первых, у нас есть дизайнеры. Конструкторы. Дальше идут технологи и инженера. Дизайнеры, они делают картинку, где интуитивно уже чувствуется. Конструкторы разрабатывают каким образом это построено. Технологи – каким образом то, что, как бы вот, модель построили, сделать экономически массовой, дешевой в производстве. И только инженер – тот, кто конкретную работающую машинку, как бы, эксплуатирует. Он ее доводит до ума, соответственно, чтобы она работала. И в этом смысле тезис о том, что инженеры социальные должны в большой реальности лечить, исправлять – он абсолютно не верен. Потому что для того, чтобы нужен нам дизайн, чтобы разработана, чтобы у нас картинка была. Дальше должны быть некая технология конструирования этого. Я просто пытаюсь эту цепочку прописать. А ее наложение... тем социальный дизайн технологии, инженерия...

Барматова Светлана: Спасибо, Вы, наверно, задали совершенно новый уровень понимания. Потому, что, действительно, инженер тогда становится реализатором всех предыдущих действий. Но, к сожалению большому, у нас на сегодняшний день, на мой взгляд, недостаточно развиты предыдущие уровни, и поэтому, конечно, тут очень много

вопросов может быть. И, наверно, об этом тоже нужно думать. Но если по градации, то Вы правы. Но по сути – это очень дискусивно.

Реплика из зала: Короткий вопрос: по Вашему мнению, кто должен преподавать?

Барматова Светлана: Хотя бы социологи. Хотя бы. Но не культурологи, никак. Спасибо.

Модератор: Еще есть какие-то вопросы, друзья? Александр Михайлович, коллеги.

Долгоруков Александр: Очень интересная Ваша реплика, она все-таки, на мой взгляд, с позиции позитивной науки, естественной науки. В социологи сейчас царствует не позитивизм. Кому-то, может быть, это обидно, а конструктивизм. Он утверждает, что социальный мир весь мы конструируем. Не только дизайнер его конструирует. Его не придумывают, его проживают. Любой рабочий человек конструирует социальный мир. Это позиция конструктивизма. Это узкая идея, повторяю я, кратко говорил. Если рассматривать, конечно, социальные системы, как естественные... Ну, как звездные россыпи, как техническое устройство или Землю, то Вы совершенно правы. Кто-то придумывает образ, кто-то потом чертит и так далее. И наконец, появится инженер, и он должен обладать определенной компетенцией, и он эту машину доводит до ума и работает на ней. В социологии все не так. Вот смотрите. Вот реплика. Нильс бор получил Нобелевскую премию за то, что показал людям, что даже такая тупая, такой тупой уровень материи, как физика, микромир, устроен так, внимание! Если мы его не измеряем – мы ничего о нем не знаем. Если мы начинаем приборами измерять, мы его изменяем и опять о нем ничего не знаем. И это тупая материя. А социум, вот эти все линейные такие построения: сначала диагностика, потом проектирование, потом придет инженер – это не работа в социуме. Когда я вхожу... Вот я консультирую реальную организацию, сейчас ВЦИОМ консультирую. Когда вхожу и открываю двери и говорю: «Здравствуйте, я консультант по управлению» – я уже меняю эту организацию. Еще до того как я начал там диагностикой заниматься. Социальный мир интереснее, чем можно про него подумать, надев очки ученого позитивного. Экономиста, социолога такого классического. Это наивно в 21 веке, это уже наивно. Там все... Почему я так долго вам морочил голову про онтологию? Она важна. Нельзя мир рассматривать социальный как физический. Почитайте Вико, он уже прозрел в 21 век. Вико был первым социальным дизайнером. Спасибо.

Барматова Светлана: Спасибо.

Модератор: Спасибо, Александр Михайлович. Коллеги, если все высказались, то, конечно, же, слова благодарности от нас, от лица модераторов всем за такое неравнодушное участие, за интерес, проявленный. Спикерам – за интересные доклады. Сергей Романович, есть какое-то заключение?

Хайкин Сергей: Ну, друзья, мы славно размялись перед завтрашним батлом, который обещают Задорин с Федоровым. Ну, и вообще, сама по себе постановка этого вопроса была не бесполезной. Мы неформально с разных сторон, может быть, не полно, но посмотрели на вот эту триаду: от теории к социологу и... В общем, голова, спинной мозг и руки, наверно, да, это вот было... Я хочу обратить на финале ваше внимание вот на что: существуют два параллельных мира. Мы больше с вами в голове держим социальные изменения, политическую социологию, да? А параллельно в нашей стране на том же самом объекте существует маркетинг, где все в порядке. И там это роли

разделены, мы не знаем кому это предназначено, а там прекрасно существует бренд-менеджер, который лучше всех на свете знает свой бренд. Там существует исследователь, который отделен, там существует практика. Потому что у них ясная задача – им надо продавать. А у нас на 90% - нам нужно... не управлять, оправдывать существующую ныне систему власти. И на это, конечно, это ставит нас в лицемерную совершенно задачу. Несвободную задачу, зависимую задачу. Тем важнее как-то... «Правду говорить легко и приятно» - ни черта не легко и неприятно.

(все смеются)

Хайкин Сергей: Но надо. Спасибо вам большое, всего доброго, удачи.

(аплодисменты)